

«Взбесившийся»

Авантюрный роман длиною в жизнь

200 лет назад родился классик отечественной драматургии Александр Васильевич Сухово-Кобылин. Современники называли его «лютейшим» аристократом, «взбесившимся Чацким», европейским азиатом и «Гегелем кабацким». Ясно, что человеком он был незаурядным, сотканным из противоречий парадоксальных. Так кто же он, Сухово-Кобылин: повеса, светский лев и прожигатель жизни или аскетичный затворник – блестящий математик, переводчик, философ, драматург? Европейский азиат или азиатский европеец? И как через его судьбу проходит линия, соединившая Нижегородскую землю и Францию: Выксу и Лазурный берег? У нас в гостях Татьяна Павловна Виноградова. С ней мы и попробуем в этом разобраться.

– Подумать только, когда он родился, А. С. Пушкин был еще лицеистом, а на закате дней уже известным писателем был Горький, не так ли?

– Да, при нем развивалась вся русская классическая литература. В детстве он зачитывался Жуковским и Пушкиным, а Гоголя боготворил. Очень гордился тем, что общался с ним. Так сложилось, что С.-К. стал достойным продолжателем гоголевской линии в драматургии. Весьма символично, что свой шедевр – «Свадьбу Кречинского» – он начал писать в тот самый год – 1852-й, когда закончился жизненный путь творца «Ревизора» и «Женитьбы». А когда жизненный путь С.-К. подходил к концу, в самом начале XX века, он сблизился с Чеховым. Произошло это на Лазурном берегу, в Болье. Писатели познакомились в январе 1901 года.

– Жизнь С.-К. была насыщенной и далеко не гладкой?

– Вся его жизнь была соткана из противоречий. И чего только в ней не было:

- лидерство в высшем свете и скромный труд увлеченного сельским хозяйством и предпринимательством помещика;
- страсть к театру органично сочеталась с профессиональным увлечением математикой и блистательными занятиями философией;
- надменность рафинированного аристократа и тонкая, ранимая душа....
- таинственная гибель возлюбленной-француженки, мрачное одиночество, угроза каторги...
- цензурные преследования, а затем шумный успех.

– Он действительно принадлежал к весьма знатному роду?

– Родился он в аристократической семье с глубокими корнями. Древний род Сухово-Кобылиных брал начало от сподвижника Ивана Калиты – боярина Андрея Кобылы, прародителя знатных российских родов, среди которых были и царствующие Романовы. По материнской линии род был не столь славен – с царями не роднился, но по-своему интересен. Мать С.-К., Мария Ивановна, в девичестве Шепелева, приходилась племянницей герою войны 1812 года Дмитрию Дмитриевичу Шепелеву – владельцу (после Ивана Родионовича Баташова) старейших в России Выксунских чугунолитейных заводов. Это родство и приведет в свое время семью Сухово-Кобылиных на Нижегородскую землю, в Выксу.

Мария Ивановна была женщиной яркой во всех отношениях: красавица, хозяйка известного в Москве салона, литературного и светского.

– Это была богатая аристократическая семья, и Александр получил блестящее домашнее образование, а каким он был студентом?

– Домашнее воспитание и образование он получил под руководством профессоров Московского университета. Поступил, во многом под влиянием А. Герцена (он был с ним и родстве), на физико-математическое отделение Московского университета. Там он получил «те основы научного образования, которые... составляют все истинное, то есть непреходящее, содержание... жизни» – это слова самого Сухова. Учил-

– Татьяна Павловна, кто же он, Сухово-Кобылин?

– Александр Васильевич Сухово-Кобылин – это имя вот уже полтора столетия не сходит с театральных афиш. А сегодня мы наблюдаем даже некий всплеск интереса к нему. Напомню, что С.-К. – автор знаменитой «Трилогии», это три пьесы: «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина». Три пьесы разного жанра. По определению самого автора, «Свадьба» – это комедия, «Дело» – драма, а «Смерть Тарелкина» – комедия-шутка (а мы бы сказали, что это трагическая буффонада). На первый взгляд кажется, что пьесы не связаны друг с другом. Но при внимательном прочтении понимаешь, что они едины. Все три образуют некую цельность, причем цельность, витиевато и глубоко сплетенную.

Говоря о трилогии, мне хотелось бы обратить внимание на то, что она не просто едина, она перекликается с судьбой самого автора. Можно даже сказать, что это некое фатальное преображение его судьбы... А судьба Сухово-Кобылина могла бы стать сюжетом для увлекательного, наполненного драматическими событиями и интригами романа, действие которого проходит не только в России, но и на европейском пространстве, и в частности на Лазурном берегу Франции (куда я и приехала вслед за Сухово-Кобылиным). И уж если мы задумали сравнить судьбу Сухово-Кобылина с романом, то надо быть готовым к тому, что роман этот длинный, как и сама его жизнь. Сухово-Кобылин прожил 86 лет – дольше всех русских классиков! Родился он в 1817 году, а умер в 1903-м. Детство совпало с тем временем, когда Россия залечивала раны нашествия Наполеона. Свои раны в буквальном смысле этого слова имела и семья Кобы-

линых: отец будущего драматурга Василий Александрович Сухово-Кобылин – полковник артиллерии, участник многих генеральных сражений с Наполеоном – был ранен в битвах при Аустерлице и под Лейпцигом.

Взрослел С.-К. в николаевскую эпоху. Декабристы – это при нем. Он был свидетелем коронации Александра II, которая проходила 17 августа 1856 года. Страсти по поводу Манифеста 19 февраля 1861 года не прошли мимо него. Он скорбел по поводу убийства царя-освободителя, который лично ему помог... Свою позитивную роль в его судьбе сыграл и император Александр III. Кстати, с ним С.-К. лично встречался. И коронация последнего российского царя, Николая II, – это тоже при нем.

Василий Александрович Сухово-Кобылин

Крымский мост – висячий мост в Москве

Чацкий»

ся Александр блестяще. Быть во всем первым: и в спорте, и в учебе, и в литературе, и в науке и предпринимательстве — это его характерная черта. Ему, единственному на курсе, за глубокое математическое исследование «О равновесии гибкой линии с приложением к цепным мостам» была присуждена золотая медаль. Считаю нужным пояснить, что же такое — гибкая линия и цепные мосты. Это современные висятые мосты, расчет которых представляет собой сложную математическую задачу. Именно ее-то и решал юный будущий драматург Сухово.

Думается, что неслучайно в его студенческой работе появился МОСТ. Метафора моста — особая, емкая, философская. Мост связывает два берега, связывает прошлое и будущее, соединяет страны, играя свою роль в диалоге культур... Мост в обобщенном смысле во многом определил судьбу Сухово-Кобылина. Не раз он сам о себе говорил — «Я стою на мосту...» или добавлял — «Я один стою на мосту...»

После окончания Московского университета С.-К. оказался в Европе. Углубленно изучал философию в университетах Гейдельберга и Берлина. Увлекался Гегелем, переводил его сочинения на русский язык. А Париж привлекал его театральной жизнью.

— Именно там он и встретил свою роковую любовь?

— Да, там в его жизнь входит молодая француженка Луиза Симон-Деманш. Началось знакомство положила случайная встреча в ресторане одного из парижских отелей в 1841 году. В октябре следующего года Луиза по приглашению С.-К. приезжает в Москву. И остается рядом с ним. Он обустраивает ее быт, содержит ее, привязан к ней. Но мысль о женитьбе на Луизе никогда не приходит в его голову. Неравный брак — это не для него. В свое время его сестра Елизавета Васильевна собиралась выйти замуж за профессора Московского университета Надеждина, не дворянина, а разночинца, сына священника. В семье С.-К. был грандиозный скандал, Александр Васильевич был в ярости, он — страстный противник подобного брака.

— То, что ярый аристократ бывал в Берлине и Москве, Петербурге и Париже, это понятно, но при чем тут Выкса?

— Выкса — особая страница в истории семьи Сухово-Кобылиных. Важное место в жизни С.-К. занимает ТЕАТР. Театр органично вошел в его жизнь еще в детстве. То были домашние спектакли. Мощный театральный импульс С.-К. получил именно в Выксе. Василий Александрович Су-

хово-Кобылин, отец драматурга, с 1846 года на целых десять лет поселился в Выксе. Известный своей кристальной честностью и принципиальностью, он по рекомендации родственников был назначен правительственным опекуном над бывшими баташовскими чугунолитейными заводами в Выксе, разоренными при владении ими Д. Д. Шепелева. Отец взял себе в помощники сына, и Александр Васильевич стал часто и подолгу здесь бывать. Он душой привязался и к живописным местам, и к местному крепостному театру, который славился на всю Россию.

В огромном усадебном парке еще при Д. Шепелеве было построено роскошное каменное здание театра. Современники писали, что «даже в лучших из губернских городов не встречались подобные театры; декораций и костюмов было множество; зала для зрителей с ложами и партером отличалась изяществом; на театре давались не только драмы и комедии, но оперы и балеты; многочисленный оркестр сформирован был на славу; окрестные помещики толпой съезжались на театральные представления, так что иногда зала не могла вместить всех посетителей».

Летом в Выксе собиралась большая семья Сухово-Кобылиных. Три сестры Александра: старшая Елизавета, будущая графиня Салиас де Турнемир и известная впоследствии писательница Евгения Тур, красавица Евдокия, всеобщая любимица и муза Николая Огарева, и младшая Софья, окончившая Академию художеств и ставшая классной художницей.

Приезжали кузины, кузены, друзья. Все талантливо. И всех привлекал ТЕАТР. Ставили спектакли. Причему каждого была своя роль. Александр обычно писал сценарии, и это стало для него привычным делом. Известно, что и «Свадьбу Кречинского» он писал здесь. В его дневнике находим такую запись: «1853. Генварь, февраль, март. На Выксе писал пьесу». Съездив осенью того же года по делам в Петербург, уже в середине января он возвратился в Выксу и 15 января 1854 года читал родным и близким «Кречинского». «Пиэсса читалась с успехом», — записал он в дневнике. И далее в дневнике: «1854. На Выксе писал Кречинского. Меня требует следственная комиссия. Я выехал в Москву. Начало следствия».

— Что значит эта последняя запись?

— Сухово-Кобылин был вызван следственной комиссией в Москву — он подозревался в убийстве своей возлюбленной Луизы Симон-Деманш. Ее изуродованное тело со следами жестокого насилия было

обнаружено в снегу, у дороги, за Пресненской заставой, неподалеку от Ваганьковского кладбища, 9 (7) ноября 1850 года. По подозрению в убийстве были арестованы крепостные, ее обслуживавшие, а затем и сам С.-К. В связи с признанием слуг в убийстве С.-К. был освобожден. Позже подсудимые отказались от своих первоначальных показаний, дело об убийстве поступило в Сенат, началось новое расследование. 7 мая 1854 года С.-К. был подвергнут аресту.

Несмотря на энергичные хлопоты, на огромные денежные затраты (в обществе упорно говорили, что С.-К. дал взятку), дело тянулось в течение семи лет. С.-К. сполна испытал на себе всю тяжесть чиновничьего произвола и лихоимства — вот откуда он, источник драмы «Дело».

Прекратилось уголовное дело лишь в октябре 1857 года. Государственный совет большинством голосов принял окончательное решение по делу об убийстве Луизы Симон-Деманш:

- крепостные оправданы,
- С.-К. приговорен к церковному покаянию за прелюбодеяние.

— Что же в действительности произошло? Кто убийца?

— Дело так и осталось нераскрытым. На эту тему много написано. На этот счет существуют полярные мнения. Но и сейчас полной ясности так и нет.

В жизни С.-К. кроме Луизы были и другие женщины. Он был не только умен, но и очень красив. Стройный, спортивный. Спорт занимал в его жизни особое место. Когда-то он вместе с молодым Львом Толстым посещал модный в то время гимнастический зал француза Пуаре и на всю жизнь приобрел привычку к гимнастическим упражнениям. Был он и прекрасным наездником. В 1843 году взял первый приз на «Джентльменских скачках», пришел первым, далеко опередив соперников. Тогда же художник-любитель изобразил его летящим на коне.

В него влюблялись, теряя голову, не думая о семье, о своей репутации, блестящие женщины. Любовные романы шли чередой. Пожалуй, самый страстный — с замужней московской аристократкой княгиней Надеждой Ивановной Нарышкиной (урожденной Кнорринг).

Похоже, что именно в тот день, когда была убита Луиза, Нарышкина сообщила Александру Васильевичу о том, что ждет от него ребенка.

В Париже, куда Надежда Ивановна уехала в том же 1850 году, уехала от сплетен, скандала, следствия и, пожалуй, главное, что-

бы скрыть от общества, которому до всего есть дело, свою беременность... в Париже она родила дочь от Сухово-Кобылина. Девочке дали вымышленную фамилию — Вебер и назвали Луизой, именем убитой француженки. Видимо, таковым было желание С.-К. Ужасная смерть Луизы, сознание своей вины перед ней в корне перевернули жизнь С.-К. Только теперь он осознал, что любил ее.

— А как сложилась жизнь Н. И. Нарышкиной в Париже?

— Она и там покоряла мужчин. Рядом с ней оказался герцог Мори, кузен Наполеона III, а затем Александр Дюма-сын, который стал ее мужем. В апреле 1858 года С.-К. едет во Францию. Там он впервые встретился со своей дочерью Луизой. Восмилетняя девочка, «сирота-воспитанница» Луиза Вебер. Он позже удочерит ее. В начале царствования Александра III С.-К. обратился к императору с просьбой разрешить ему удочерить Луизу Вебер. Разрешение было получено, и 8 апреля 1886 года С.-К. был приглашен на аудиенцию в Зимний дворец, где он выразил благодарность государю.

В замужестве Луиза стала графиней де Фальтан. У нее родилась дочь Жанна. Теперь вся нежность и любовь С.-К. обратились на внука. Но счастье оказалось недолгим. Почти одновременно Луиза потеряла и мужа, и дочь. Отныне вся ее любовь принадлежала только отцу. Она наполнила его жизнь теплом и заботой. Последние годы своей жизни Сухово-Кобылин с Луизой постоянно жил во Франции, в Болье-сюр-Мер. В Россию приезжал очень редко. Он приобрел роскошную виллу, которую ласково назвал «ma maisonnette» — «мой домик».

— Похоже, слухи о его финансовом крахе к концу жизни были сильно преувеличены?

— Безусловно! Он был очень состоятельным человеком. Жизнь на вилле была размеренной. Луиза Александровна внимательно следила за отцом. Распорядок дня почти никогда не нарушался. Интеллектуальные занятия — С.-К. не давал мозгу угасать, — ежедневные занятия философией. Физические занятия — гимнастика и солнечные ванны. Он подолгу лежал раздетый у настели распахнутого окна. Прием гостей, визиты, прогулки, чтение... И вегетарианский стол. «Я стал человеком с тех пор, как перестал есть мясо», — говорил Александр Васильевич.

(Продолжение разговора с Татьяной Павловной Виноградовой читайте в следующем номере.)

Беседовал С.Н. Авдеев
Фото из интернета

Луиза Симон-Деманш

Групповой портрет сестер С.-К.

Сухова-Кобылин, акварель, 1842 год

Александр Васильевич Сухово-Кобылин: «Я стою на Мосту...» между Россией и Францией

17 (29) сентября исполнилось 200 лет со дня рождения драматурга, математика и философа Александра Васильевича Сухово-Кобылина. Автор известной пьесы «Свадьба Кречинского» работал над этим произведением и в Выксе. О великом драматурге и человеке, незаурядном во всех отношениях, в рубрике «Нижегородские открытия» продолжает свой рассказ Татьяна Павловна Виноградова.

На Лазурном берегу

Немного восточнее Ниццы есть небольшой городок. Называется он Болье-сюр-Мер. При переводе на русский язык это «прекрасное или красивое (если хотите) место на море». Говорят, что именно так: «О, болье-сюр-мер», — воскликнул Наполеон, оказавшись здесь во время итальянской военной кампании. Тот возглас восхищенного императора навсегда здесь и остался. Но есть другая версия — до прихода сюда Наполеона это был рыбацкий поселок. Как и все графство Ницца, он принадлежал Савойе и назывался по-итальянски Belloloso, что означало тоже «прекрасное место». Городок действительно красив — я смогла сама убедиться в этом.

Прелесть этого места и особый климат испокон веков привлекали сюда людей. До-

исторические поселения сменил древнегреческий порт. Кстати, о пребывании тут греков в те далекие времена напоминает сегодня настоящая греческая вилла «Керилос» — уникальная жемчужина в архитектурном ансамбле Лазурного берега. Это имитация дома богатого древнего грека, созданная в самом начале XX века, имитация точная, научно выверенная.

Позже греков здесь сменили римляне. Их мраморные палатки были разрушены еще в III веке, а копии тех дворцов, подобные греческой вилле «Керилос», никто не создал.

Зато здесь сохранились виллы, построенные в позапрошлом веке, которыми владели наши с вами соотечественники. Пришла пора сказать, что в Болье была обширная русская колония, которая начала складываться

здесь в середине XIX века. Тогда появились известные аристократические фамилии: Голицыны, Толстые, Нарышкины...

И среди них тот, которого современники называли «лютейшим» аристократом, — это классик отечественной драматургии Александр Васильевич Сухово-Кобылин. Он прочно поселился в Болье-сюр-Мер в конце XIX века.

Интерес к нему и привел меня в этот «прекрасный» городок у Ниццы. Забегая вперед, скажу, что в Болье мне удалось много чего отыскать. Нашлась и принадлежавшая ему вилла, в которой драматург жил последние годы.

В каждом доме есть деньги...

Неблагодарное дело пересказывать пьесы — их надо смотреть в театре, надо видеть самому. Но все-таки попробуем это сделать. Итак, первая пьеса трилогии Сухово-Кобылина — это «Свадьба Кречинского», захватывающая интрига в стиле модного французского драматурга середины XIX века Скриба. История о том, как прожженный игрок, спустивший все состояние, мечтает поправить свои дела, поправить, что довольно банально, выгодной женитьбой. И вновь ИГРАТЬ! Кстати, Михаилу Кречинскому принадлежит афоризм: «В каждом доме есть деньги... непременно есть... надо только знать, где они лежат».

Кречинский влюбляет в себя скромную Лидочку, дочь богатого помещика Муромского. Надо произвести впечатление на будущего тестя, а денег-то нет. И затевается афера — Кречинский, одолжив у своей невесты бриллиантовое украшение, закладывает его ростовщику. При этом ловко совершает подмену — вместо дорогого солитера отдает ростовщику стеклянную копию, а подлинник возвращает невесте. Но в финале пьесы обман открывается. Скандал. Полиция. Влюбленная девочка отдает ростовщику свой бриллиант, протягивает его со словами: «Это ошибка». Конец пьесы, занавес... Свадьба разрушена. И казалось бы, все.

«Всякого теперь могу взять и посадить»

Но, к сожалению, это не так. Фраза Лидочки «Это ошибка» послужила сюжетным зерном драмы «Дело». Именно с этой фразы раздувается «Дело» — бедная Лидочка представляется сообщницей Кречинского, его любовницей, желающей ограбить своего отца. Драма заканчивается разорением семьи, гибелью Муромского...

Третья пьеса «Смерть Тарелкина» — это вакханалия. Положительных героев, тех, кому сочувствуешь, здесь нет. Здесь плохи все. Но самый скверный среди них, на мой взгляд, это Расплюев. Низкий, подлый и, в общем-то, страшный, он проходит через все три пьесы трилогии, объединяя ее. Проходит «по нарастающей» в своей мерзости. В «Свадьбе» он — карточный шулер, человек на побегушках при Кречинском. В пьесе «Дело» именно он оклеветал Лидочку — с его показания начинается Дело, погубившее достойную семью. В «Смерти Тарелкина» он уже исполняет должность

квартирного надзирателя. Здесь он не просто страшен, здесь он зловещ. Расплюев решает судьбы людей, при этом кричит в экстазе:

«Ура!!! Все наше!.. Всякого теперь могу взять и посадить. <...> Великий день! Я следовательно, я!.. Строжайшее следствие буду производить я!..»

«Все наше! Всю Россию потребуем!»

Образ Расплюева стал нарицательным в русской литературе. Пожалуй, этот образ — высшее достижение драматургического гения С.-К.

Пьесы трилогии живут каждая своей жизнью — обычно их ставят порознь. В России трудно найти театр, в репертуаре которого не было бы «Свадьбы Кречинского». «Смерть Тарелкина» — тоже репертуарная вещь, идет она и в Нижегородском драматическом театре.

О вечной взятке

Можно лишь сожалеть, что драма «Дело» менее востребована режиссерами. А ведь она, написанная в середине позапрошлого века, сегодня актуальна, пожалуй, как никогда. Вот послушайте. Я приведу лишь небольшой отрывок из этой пьесы — о вечной взятке в России. Михаил Кречинский дает совет Петру Константиновичу Муромскому — несчастному отцу чистой и благородной Лидочки:

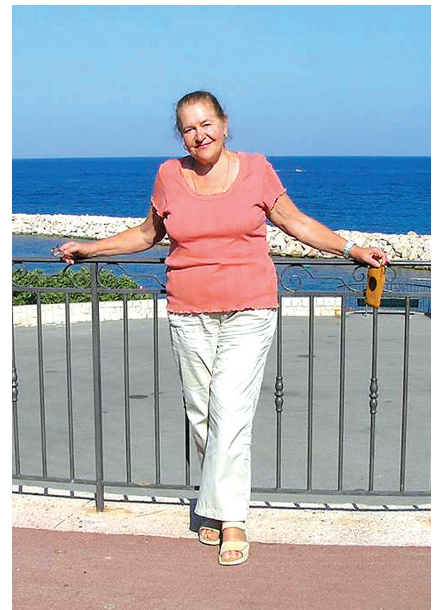
С вас хотят взять взятку — дайте; последствия вашего отказа могут быть жестоки. Вы хорошо не знаете ни этой взятки, ни как ее берут; так позвольте, я это вам поясню. Взятка взятке рознь: есть сельская, так сказать, пастушеская... взятка; берется она преимущественно произведениями природы и по столько-то с рыла; — это еще не взятка. Бывает промышленная взятка; берется она с барыша, подрыда, наследства. словом приобретения, основана она на аксиоме — ...приобрел — так поделись. — Ну, и это еще не взятка. Но бывает уголовная или капканная взятка; — она берется до истощения, догола! <...> совершается она под сению и тению дремучего леса законов, помощью и средством капканов, волчьих ям и удилиц правосудия, расставляемых по полю деятельности человеческой, и в эти-то ямы попа-

Оливье Кан у входа в музей Болье

Лазурный берег Франции

Татьяна Виноградова на Лазурном берегу

дают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумения, старый и малый, богатый и сирий.

Русское присутствие в Болье-сюр-Мер

Судьба Сухово-Кобылина могла бы стать сюжетом для увлекательного, наполненного драматическими событиями и интригами романа, действие которого проходит не только в России, но и на европейском пространстве, и в частности на Лазурном берегу Франции.

Напомним, что при нем развивалась вся русская классическая литература. В детстве он зачитывался Жуковским и Пушкиным. А вот Гоголя боготворил. Очень гордился тем, что общался с ним. С.-К. плыл на одном пароходе с Гоголем по Средиземному морю и тоже оставил нам короткую, но яркую и образную зарисовку о своем кумире:

«Помню, мы сидели однажды на палубе. Гоголь был с нами. Вдруг около мачты, тихонько крадучись, проскользнула кошка с красной ленточкой на шее. Гоголь поднялся и, как-то уморительно вытянув шею и указывая на кошку, спросил: «Что это, никак ей Анну повесили на шею?» Особенно смешного в этих словах было очень мало, но сказано это было так, что вся наша компания покатила от хохота. Да, великий это был комик. Равного ему я не встречал нигде.»

(Ю. Беляев. У А. В. Сухово-Кобылина // Новое время. 1899, 2.VI. № 8355.)

Так сложилось, что С.-К. стал достойным продолжателем гоголевской линии в драматургии. Весьма символично, что свой шедевр «Свадьбу Кречинского» он начал писать в тот самый год — 1852-й, когда закончился жизненный путь творца «Ревизора» и «Женитьбы».

А когда жизненный путь С.-К. подходил к концу, в самом начале XX века, он сблизился с Чеховым. Произошло это тоже на Лазурном берегу, в Болье. Писатели познакомились в январе 1901 года.

Они встречались на вилле Батава, владельцем которой известный в свое время историк, политолог, экономист, крупный общественный деятель Максим Максимович Ковалевский.

На этой вилле Ковалевский принимал у себя Антона Павловича Чехова.

С.-К. жил на соседней улице, бывал у Ковалевского. Здесь он встречался с Чеховым. Известно, что на приглашение Чехова вместе пообедать он послал Антону Павловичу свою визитку, на обороте которой сделал такую надпись: «Мои старые Кости с удовольствием (принимают) приглашение Ваше — вам всегда преданный А. Сухово-Кобылин».

К сожалению, мы не знаем, о чем они говорили, но несомненно одно — писатели были интересны друг другу.

Последние годы своей жизни Сухово-Кобылин с дочерью Луизой постоянно жил в Болье-сюр-Мер. В Россию приезжал очень редко. Он приобрел роскошную виллу, которую ласково назвал «la maisonnette» — «мой домик».

Почти одновременно Луиза потеряла и мужа, и дочь. Отныне вся ее любовь принадлежала только отцу. Она наполнила его жизнь теплом и заботой. Луиза Александровна внимательно следила за отцом. Интеллектуальные занятия — С.-К. не давал мозгу угасать, ежедневные занятия философией. Физические занятия — гимнастика и солнечные ванны. Он подолгу лежал раздетый у настерж распахнутого окна. Прием гостей, визиты, прогулки, чтение... И вегетарианский стол.

25 февраля 1902 года был избран почетным академиком по разряду изящной сло-

весности Российской академии наук.

Солнечные ванны оказались небезобидными — он простудился и 11 марта 1903 года скончался.

Луиза Александровна похоронила отца на кладбище в Болье. Через несколько месяцев после его кончины в Болье из Москвы приехал драматург и известный актер Малого театра Сумбатов-Южин. По поручению театральной общественности России он возложил на могилу С.-К. серебряный венок.

Увы! Могилы нет

В ряде книг, в частности в серьезном научном издании «Встречи с прошлым» (М., 1978), подготовленном ЦГАЛИ, в статье Н. Б. Волковой утверждалось, что похоронен он на кладбище в Ницце, рядом с Александром Ивановичем Герценом. На кладбище в Ницце, расположенном высоко над морем, на Замковой горе, не сразу, но нашла памятник Герцену. Я видела его на фотографиях в книгах, и он казался огромным, на самом деле это довольно скромный небольшой надгробный памятник, выполненный скульптором Забело. Ни рядом с ним, ни поблизости захоронения Сухово-Кобылина отыскать не удалось. Видимо, в упомянутой выше публикации Н. Б. Волковой допущена ошибка.

Чтобы отыскать могилу С.-К. я приехала специально в Болье.

Так сложилось, что последние годы я бывала на Лазурном берегу, принимая участие в симпозиуме ЮНЕСКО, который каждый год проходит в Каннах. И Ницца, и Болье-сюр-Мер — это близко, и я получила прекрасную возможность поискать самой, что-то проверить, а может быть, и открыть новое.

Увы! Могилы нет — она была уничтожена еще в 1980-е годы, никто не оформлял

аренду земли. Пыталась отыскать захоронение в колумбарии на старом кладбище, где в нишах покоятся останки. И тоже безрезультатно.

Поход в мэрию

Когда я приехала в Болье вновь, сразу же направилась в мэрию. Этот поход оказался удачнее первого. В мэрии без задержки принял меня молодой чиновник Оливье Кан, занимающийся культурой. Он внимательно вслушивался в сложную для французского уха фамилию «Сухово-Кобылин», несколько раз повторял ее на свой лад, но она ему ни о чем не говорила. Но тем не менее именно он дал мне полезную информацию. Оказалось, что его двоюродный дед историк Андре Кан в свое время профессионально изучал русское присутствие в Болье, начиная с середины XIX века, и написал об этом книгу. Что ценно, в ней есть имен-ной указатель, а в нем сразу же нашлась фамилия Сухово-Кобылин и рядом с ней ссылки на страницы, где написано о пребывании драматурга в Болье. Оливье сделал для меня копии этих страниц, и таким образом я получила уникальную информацию. На снимках я нашла виллу С.-К. На центральной улице Болье стоит, как и сто лет назад, бывшая вилла, та самая, что он называл «la maisonnette». Новые владельцы почему-то назвали ее «Samara» — «Самара».

В мэрии по моему запросу мне выдали свидетельство о том, что останки драматурга после ликвидации могилы были перенесены в колумбарий, и даже точно указали нишу — № 9.

Только ниша — никто не платит граверу за оформление...

Вот такая история, не очень красивая.

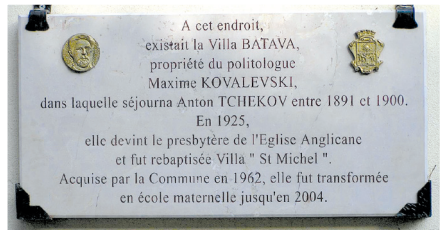
Татьяна Виноградова

Фото автора

Окончание в следующем номере.

Вилла А. Сухово-Кобылина в Болье

Мемориальная доска на вилле М. Ковалевского. «Здесь был А. Чехов в 1891, 1900, 1925»

Колумбарий на кладбище в Болье

А. В. Сухово-Кобылин

«Я стою один на Мосту...»

17 (29) сентября исполнилось 200 лет со дня рождения драматурга, математика и философа Александра Васильевича Сухово-Кобылина. Это о нем было сказано когда-то очень метко: «Написав мало, он написал много». В рубрике «Нижегородские открытия» мы продолжаем беседовать с Татьяной Павловной Виноградовой, профессором кафедры ЮНЕСКО ННГАСУ.

Окончание. Начало в № 82, 85

— Имя классика отечественной драматургии Александра Васильевича Сухово-Кобылина, автора знаменитой трилогии: «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина», вот уже полтора столетия не сходит с театральных афиш. Похоже, что лейтмотив его трилогии и в наше время не потерял свою актуальность?

— Сегодня в России трудно найти театр, где когда-то не ставился бы «Кречинский». «Смерть Тарелкина» тоже репертуарная пьеса, идет она и в Нижегородском драматическом театре. Можно лишь сожалеть, что актуальная сегодня как никогда его драма «Дело», о вечной взятке в России, менее востребована режиссерами.

— Постановка «Дела» около двадцати лет запрещалась цензурой. Разрешение было дано только в 1882 году, с многочисленными цензурными изъятиями под заглавием «Отжитое время». «Смерть Тарелкина» подверглась еще более длительному цензурному запрету. Лишь в 1900 году автору удалось добиться разрешения на постановку своей пьесы под заглавием «Веселые расплюевские дни». Что же вызывало такое неприятие?

— Третья пьеса «Смерть Тарелкина» — это вакханалия. Положительных героев, тех, кому сочувствуешь, здесь нет. Здесь плохи все. Но самый скверный среди них, на мой взгляд, это Расплюев. Низкий, подлый и, в общем-то, страшный, он проходит через все три пьесы трилогии, объединяя ее. Проходит «по нарастающей» в своей мерзости. Образ Расплюева стал нарицательным в русской литературе. Пожалуй, этот образ — высшее достижение драматургического гения С.-К.

Ответ на вопрос о причинах яростного неприятия его творчества цензурой можно проиллюстрировать цитатой из его сатирического памфлета «Квартет», который заканчивается картиной-апофеозом: «Глухая Ночь при зловещем рембрандтовском освещении... Рак Чиновничества, разевший в одну сплошную Рану великое тело России, едет на ней верхом и высоко держит Знамя Прогресса!»

— Татьяна Павловна, вернемся к вашим поискам следов драматурга на Лазурном берегу. Вы приехали специально в Болье, чтобы отыскать могилу С.-К., хотя некоторые исследователи утверждали, что он похоронен на кладбище в Ницце, рядом с Александром Ивановичем Герценом.

— Читая о жизни Сухово-Кобылина, я обратила внимание, что последние годы он провел на юге Франции, в Болье-сюр-Мер, там и умер. Естественно предположить, что там же он и похоронен.

— Почему же захоронение не сохранилось?

— Могила на этом кладбище была уничтожена еще в 1980-е годы, никто не оформлял аренду земли. Я пыталась отыскать захоронение в колумбарии на старом кладбище, где в нишах покоятся останки. И тоже безрезультатно. И только в мэрии по моему запросу мне выдали свидетельство о том, что останки драматурга после ликвидации могилы были перенесены в колумбарий, и даже точно указали нишу: «Колумбарий II, ячейка № 9». Естественно, что я не могла ее отыскать, она анонимная, на ней нет фамилии драматурга, что означает, что сюда могут быть помещены останки из других могил, которые ликвидируются. Почему так произошло? Никто не заказывал именную плиту, никто не платил гравёру.

— Действительно история получилась не очень красивая, но вы на этом не остановились?

— Я не придумала ничего лучше, как написать письмо нижегородскому губернатору Валерию Павловичу Шанцеву. Результатом стало совместное посещение кладбища в Болье. Мы стояли перед захоронением драматурга. Ячейка была облагоустроена — портрет писателя, цветы... Губернатор дал интервью, в котором подчеркнул величие нижегородской земли и заверил, что захоронение Сухово-Кобылина будет достойно оформлено и он готов в этом участвовать.

— Похоже, как это ни парадоксально, но у нашей истории будет хэппи-энд благодаря высокому чиновнику?

— Да, это случилось благодаря Нижегородскому губернатору В.П. Шанцеву. И произошло это 11 марта 2009 года. Именно 11 марта Сухово-Кобылин скончался, получилось, что на кладбище в Болье мы невольно отметили годину со дня его смерти. Случайное совпадение? Возможно, но какое точное!

Дальнейшие события такие, что о них приятно писать: 21 сентября 2009 года в рамках Европейских дней сохранения культурного наследия на кладбище в Болье-сюр-Мер состоялось торжественное открытие мемориальной доски. На мраморной плите текст:

В память о русском драматурге
Александр В. СУХОВО-КОБЫЛИН
1817–1903

21 сентября 2009

Надпись сверху слева: «Роже Ру — мэр Болье-сюр-Мер и член муниципального совета». Надпись сверху справа: «Валерий П. Шанцев — губернатор Нижегородской области, Россия».

Беседовал Сергей Авдеев
Фотографии Т.П. Виноградовой

Роже Ру, мэр Болье-сюр-Мер. Торжественное открытие мемориальной доски А. Сухово-Кобылину

Татьяна Виноградова и Валерий Шанцев

